

UDC 930

HISTORIOGRAPHY OF THE ANTI-SOVIET MOVEMENT IN CENTRAL ASIA IN 1920–1930S: SOVIET AND RUSSIAN VIEWS

Alexander A. Maksimovich

Belarusian State University
6, Krasnoarmeiskaia St., Minsk, Belarus, 220030
Graduate-student
E-mail: aljaksandr@rambler.ru

The article deals with the Soviet and Russian approaches to the study of anti-Soviet (basmaches') movement in Central Asia in 1920–1930s and compared the historiographical concepts.

Keywords: anti-Soviet movement, Central Asia, basmachestvo, historiographical approach.

Историография антисоветского движения в Центральной Азии берёт своё начало в 1920-е гг. Непосредственные участники событий с одной и другой сторон поспешили поделиться своим видением проблемы антисоветских выступлений в регионе. Стоит отметить, что практически сразу же историография приобрела яркую политическую окраску.

Историческая справка: Басмачество – (от тюркского басмак – совершать налет), после Октябрьской революции вооруженное националистическое движение, боровшееся за свержение советской власти в Центральной Азии.

Одним из первых советских исследователей басмаческого движения, общеполитической обстановки в Центральной Азии в начале 1920-х гг. являлся непосредственный очевидец установления советской власти в данном регионе большевик Г. Сафаров [1]. В работе «Колониальная революция (опыт Туркестана)» он изложил ряд положений, которые получили резко негативную оценку от большинства советских историографов басмаческого движения. Например, Г. Сафаров полагал, что советская власть в Центральной Азии имела чётко обозначенный колонизаторский характер, а одной из главных причин возникновения антисоветского сопротивления в регионе считал экономический кризис, разрушивший хлопковое хозяйство и приведший к значительному обнищанию дехкан [1, 53]. Политической причиной активизации басмачества, на взгляд Сафарова, стала практически открытая враждебность советской власти в отношении широких масс мусульманского духовенства, а религиозный фактор в Центральной Азии был и остаётся одним из самых значительных. Острой критике многих советских исследователей басмаческого движения подвергся тезис Сафарова о том, что участвовавшая в боях с так называемыми «басмачами» в начале 1920-х гг. Красная Армия состояла преимущественным образом из «деклассированных элементов» [1, 98]. Следует отметить, что указанное мнение исследователя частично подтверждено недавно рассекреченными документами центральных российских архивов. Таким образом, несмотря на то, что первую попытку осмыслить происходившее в Центральной Азии в 1920-е гг. предпринял большевик по своим убеждениям Сафаров, исследование имело довольно комплексный характер и смогло отразить целый ряд из тех проблем, которые стали причиной антисоветских выступлений.

Изучение вопросов формирования и развития басмаческого движения в Центральной Азии продолжил П. Алексеенков [2]. Именно он одним из первых применил метод сравнения басмачества императорского и советского периодов истории. В итоге, он пришёл к мысли, что антиправительственные выступления советского периода ни в коей мере не являлись продолжением дореволюционного басмачества. Более того, социальной основой для дореволюционных выступлений, на взгляд Алексеенкова стали маргинальные слои (в основном – обедневшие крестьяне), а «двигателем» антисоветского движения были наиболее обеспеченные слои населения – эксплуататорские классы (бей и духовенство) [2, 34]. Этот тезис вскоре твёрдо укрепиться в советской историографии и станет одним из центральных в критике басмачества как «буржуазного и верхушечного движения». Ошибкам Советов в национальной политике в Центральной Азии, П. Алексеенков придавал значение лишь как поводу, а не основной причине развития басмачества [2, 47]. Тем не менее, исследователь указывал и на значительную роль местной интеллигенции в развитии движения басмачества.

В 1930-е гг. советская историография получила целый ряд определённых ограничений, которые возникли в рамках государственной идеологии и политической цензуры. Исследованием в основном занимались партийные работники, военачальники, пытавшиеся в своих статьях и воспоминаниях отразить эти события [3].

Новый этап изучения антисоветского движения в Центральной Азии берёт своё начало в 1940–1950-х гг. XX в. Основанием для его выделения стал тот факт, что вышедшие в этот период работы были посвящены рассмотрению региональной специфики басмаческого движения в Центральной Азии. Большой интерес представляют исследования А.В. Станишевского (Ниалло Азиза) [4] и П.П. Никишова [5]. А.В. Станишевский и П.П. Никишов постарались проследить за развитием движения на территории современного Кыргызстана с момента его появления (с 1917 года) до того времени, когда были ликвидированы последние отряды «басмачей» (сер. 1920-х гг.). П.П. Никишов пришёл к выводу, что социальная база движения постоянно сужалась благодаря успешной национальной и социальной политике большевиков в республике [5, 105]. Серьёзное значение в ликвидации басмачества, на взгляд А. Ниалло, играла успешная борьба с его социальной опорой – зажиточным крестьянством [4, 87]. Исследователи Ш. Ташлиев и М. Языкова рассматривали этапы формирования и развития басмаческого движения в Туркмении [6, 7]. Особый акцент историками был сделан на постоянное внешнее вмешательство и помощь отрядам мятежников из Афганистана и Ирана [6, 184].

Таким образом, постепенно стали вырисовываться центральные, основополагающие постулаты представителей советской историографической школы по вопросу антисоветского движения в Центральной Азии в 1920–1930-е гг. XX века:

- басмачество – движение эксплуататоров, буржуазных националистов, лишённое широкой социальной опоры;
- басмачество получало значительную поддержку из-за рубежа – из Великобритании, Франции, Турции через Афганистан и Иран;
- большевистская власть умело сняла национальный и социальный вопросы, лишив тем самым, басмачей и той поддержки, которую они имели.

В дальнейшем, приведённые тезисы были дополнены и расширены.

Значительное количество работ, так или иначе, затронувших проблематику антисоветского движения в Центральной Азии, было опубликовано в 1960–1970-х гг. Среди прочих можно выделить научные работы М. Иркаева. Он одним из первых

советских историографов басмаческого движения не стал отрицать тот факт, что данное движение пусть и временно, но принимало хоть и не общенациональный, но всё же массовый характер. В то же время М. Иркаев считал, что пополнение басмаческих отрядов проходило за счет «обманутой и отсталой части населения» [8, 211].

Содержательным исследованием являлась монография Дж.М. Малабаева, подробно раскрывавшая деятельности Советов в Кыргызстане и историю борьбы с басмачеством в этой республике. Особое внимание автор уделил именно идеологической и законодательной работе Советов, в серьёзной степени способствовавшей укреплению позиций большевиков и соответственно ослаблению басмачей [9, 76].

Наиболее полно и последовательно события гражданской войны на территории Кыргызстана изложены в работе С.Б. Жантуарова. Основное внимание автор обратил на военные события, пытаясь охватить их в масштабе всей территории Туркестанской АССР. Исследователь привёл некоторые факты и имена участников революционных событий, ранее неизвестные широкой публике. В целом, работа освящает в основном боевые действия и направлена на раскрытие победы Красной Армии как неизбежного итога противостояния [10, 213].

Тем не менее, невзирая на то, что в те годы было издано множество фундаментальных работ по истории становления советской власти на территории Центральной Азии, проблеме антисоветских движений, причины их возникновения в полной мере так и не были раскрыты. Изучение борьбы против басмачества стало системнее, обросло детализациями, но на вопросы об эпистемологии движения и о размерах его социальной базы ответа не дало. Причиной стало рассмотрение басмаческого движения в рамках исключительно марксистской идеологии.

Значительный вклад в изучение басмаческого движения в Центральной Азии внесли исследователи Ю.А. Поляков и А.И. Чугунов. В работе «Конец басмачества» авторы попытались проследить этапы формирования и развития басмачества в рассматриваемом регионе с 1917 по 1931 год, то есть вплоть до окончательного разгрома крупных басмаческих отрядов под командованием Ибрагим-бека на территории Таджикской ССР и в восточных районах Узбекской ССР [11]. Работа опирается на широкий круг источников, в том числе воспоминания участников ликвидации «басмачества», архивные данные, периодическую прессу того времени. Исследователи дали достаточно подробное описание хода боевых действий между основными басмаческими формированиями и частями Красной Армии на протяжении более чем десяти лет, охарактеризовали сильные и слабые стороны басмачества.

Постепенное угасание внимания к проблеме антисоветских выступлений в Центральной Азии сменилось скачком интереса в конце 1970-х – начале 1980-х гг., в связи с изменением политической обстановки в Афганистане. История становления и борьбы басмаческого движения вновь привлекла особый интерес исследователей. Такие авторы как Б.В. Лунин, Э.Ю. Юсупов в своих работах провели ряд исторических параллелей, небезосновательно сравнивая центральноазиатское басмачество 1920–1930-х гг. с движением моджахедов в 1980-х гг. в Афганистане [12, 52]. Повторилась даже ситуация с финансовой поддержкой из-за рубежа. Работа, естественно, базировалась на марксистско-ленинской идеологии, что предопределило позицию автора при рассмотрении причин возникновения антисоветского сопротивления, а также при общей оценке событий.

Наконец, в 1980-х гг. было опубликовано несколько исследований, подведших итоги многолетнему изучению басмаческого движения в советской историографии. Наиболее значительной из данных работ стала монография исследователей

А.И. Зевелева и Ю.А. Полякова «Басмачество: правда истории и вымысел фальсификаторов» [13]. Целью книги было продемонстрировать советскую концепцию басмачества, опирающуюся на марксистско-ленинскую методологическую базу, составными частями которой являются «основополагающие идеи о гражданской войне в СССР, о путях перехода народов Средней Азии от феодализма к социализму, минуя капитализм, о классовой борьбе в эпоху диктатуры пролетариата, о методах осуществления национальной и аграрной политики в своеобразных условиях Средней Азии» [13, 13]. Естественно, что это оказывало значительное влияние на общий ракурс работы. Так, одним из доводов против тезисов Сафарова о значительной доле бедноты в рядах басмачей стало отнесение его к «троцкистско-зиновьевскому оппозиционному блоку» [13, 14]. Значительная часть монографии посвящена советологическому направлению в западной историографии. По мнению исследователей, объективностью обладают лишь работы историков-марксистов, а советологи умышленно искажают факты, придавая басмаческому движению черты общенародного движения, направленного исключительно на защиту коренных среднеазиатских народов от красного террора. При опровержении «фальсификаций» западных историков авторы обвиняли тех и в связях со спецслужбами. Например, «Среднеазиатский научно-исследовательский центр» при Оксфордском университете по информации исследователей был связан с английской разведкой СИС [13, 52]. Необходимо отметить, что связь зарубежных исследователей со спецслужбами для советских авторов была одним из основных свидетельств предвзятости их западных коллег.

В то же время, несмотря на такие перекосы, в работе присутствует основательная и аргументированная критика советологов. Критическому анализу подверглись источники, было вскрыто множество противоречий в работах зарубежных авторов. Так, широкий источниковедческий анализ позволил опровергнуть доказательства Ричарда Пайпса об «общенациональном характере движения» [13, 86]. А.И. Зевелев и Ю.А. Поляков делали в своей работе упор на отстаивание центральных постулатов советской концепции басмачества, как движения «верхушечного» и поддерживаемого извне.

В целом следует отметить, что историография советского периода носила ярко выраженный идеологизированный характер. Большинство советских исследователей рассматривали басмаческое движение как контрреволюционное движение, которое, на их взгляд, поддерживалось исключительно «империалистическими силами». Участие широких мусульманских масс в басмаческом движении либо вообще не освещалось, либо освещалось крайне слабо. Советские историографы басмаческого движения имели склонность к искусственному преувеличению роли «эксплуататорских классов» (беев, духовенства) в организации и проведении антисоветских выступлений. Советская парадигма изучения центральноазиатских повстанческих движений оказалась слишком сильно привязана к марксистско-ленинской идеологии, чтобы провести объективный анализ причин возникновения «басмачества» и его социальной сущности.

Значимое место в общем историографическом комплексе по проблематике басмаческого движения занимают исторические исследования современных российских авторов. После распада Советского Союза исследователи смогли освободиться от прежних идеологических догм, получили доступ к ранее засекреченным фондам архивов, и начали рассматривать феномен басмачества с принципиально отличных позиций. В то же время, централистские склонности российских авторов не могли не повлиять на направленность исследований и их результаты.

Фундаментальные труды российской науки по изучаемой тематике пока ещё ждут своих авторов, да и статьи по проблеме басмачества появляются нечасто. Преимущественное внимание при изучении первоначально получили лидеры антисоветского движения в Центральной Азии, фигуры которых оказали серьёзное влияние на развёртывание борьбы. Среди небольших работ следует обратить внимание на статьи Ю.В. Ганковского и Д.И. Вдовиченко. Ю.В. Ганковский в исторических исследованиях «Энвер-паша среди басмачей» и «Ибрагим-бек Локай» приводит личностные характеристики указанных басмаческих лидеров и описывает их роль в организации басмаческого движения в районе Восточной Бухары [14, 15]. Не менее интересной представляется работа Д.И. Вдовиченко «Энвер-паша». Автор приводит обширные биографические данные, подробно анализирует политическую деятельность Энвер-паши [16].

Наибольшее внимание изучению так называемого басмаческого движения посвятили российские исследователи как Д.В. Шевченко и А.И. Пылев.

Учёный-востоковед Д.В. Шевченко пришёл к выводу, что основной причиной зарождения крупномасштабного басмаческого движения в Центральной Азии в первые годы установления советской власти стал «массовый красный террор, который осуществлялся на фоне уничтожения традиционных исламских институтов» [17, 39]. Более того, исследователь, основываясь на новых открытых архивных данных, также полагал, что басмаческое движение в районах Бухары и Самарканда «приняло характер общенародного движения сопротивления советской власти в период с конца 1921 года и до лета 1923 года» [18, 16].

Интерес представляет и временная локализация антисоветского движения, осуществлённая Д.В. Шевченко. Нижняя хронологическая граница введена исследователем по приезду в советский Туркестан Энвер-паши, который смог объединить вокруг себя разрозненные до этого басмаческие отряды, верхняя граница – поражением и бегством другого турецкого эмир-пашы Селим-паши. В то же время, автор не склонен разделять ни советский «эксплуататорский», ни западный «общенациональный» тезисы о социальной поддержке басмачества на протяжении 1920–1930-х гг. Исследователь считает, что в районах Бухары и Самарканда басмаческое движение действительно представляло интересы широких слоев центральноазиатской общественности. В то же время ферганское и хорезмское басмачество, на взгляд исследователя, уже через несколько лет после прихода в Центральную Азию советской власти потеряло свой авторитет, как из-за бесчинств в отношении мирного населения, так и из-за ослабления террора и реабилитации советской властью традиционных исламских институтов [18, 17]. Таким образом, Д.В. Шевченко поддерживает советский тезис о том, что главной причиной ликвидации басмачества стало лишение его социальной опоры. К причинам поражения басмачества автор также относит превосходящую боеспособность Красной Армии и отсутствие у повстанцев лидеров, которые смогли бы объединить разобщённое по национальному и экономическому факторам движение.

Особое внимание следует обратить на работы А.И. Пылева [19, 20]. Автор придерживается мнения, что антисоветское движение было массово поддержано во всей Центральной Азии различными слоями населения, в том числе и беднотой. На взгляд А.И. Пылева причиной этого было резко ухудшившееся экономическое положение в регионе [20, 54]. Помимо утверждений о массовости привлекает внимание и исследование тех общественно-политических альтернатив, которые предлагали лидеры басмачества. Каждый регион имел свою специфику, и даже в одном регионе встречались полярные варианты: от «исламской республики» до возвращения сбежавшего эмира [19, 9]. Особый акцент исследователь делает на том, что движение носило не антисоветский характер, а антирусский характер,

поскольку многие идеологи басмачество сперва активно выступали за установление советской власти [20, 82]. Однако, после того как главные руководящие должности обходили их стороной, эти идеологи переходили на сторону сопротивления режиму большевиков. А.И. Пылев делает вывод о том, что басмаческое движение было движением борьбы традиционных элит за сохранение своего господствующего положения в обществе [19, 20]. При этом он обращает внимание, что эта борьба могла принимать совершенно разнонаправленные идеологические формы. Исследователь косвенно подтверждает советский тезис о том, что это было движение «эксплуататорских» слоёв общества, которым, однако, удалось с помощью идеологической обработки и популистских обещаний временно привлечь на свою сторону массы бедноты.

Современная российская историография представлена также работами, в которых басмаческое движение не выступает в качестве основного объекта исследования, а рассматривается в контексте истории взаимоотношений исламского мира и России. Так учёный-исламовед, Р.Г. Ланда в работе «Ислам в истории России» писал, что основой развития крупномасштабного басмаческого движения после Октябрьской революции являлись среднеазиатские восстания 1916 года, вызванные царскими указами о мобилизации мусульманского населения на тыловые работы. Самым трагическим последствием басмаческого движения, по мнению Р.Г. Ланда, была гибель «лучших представителей местных рабочих, революционных дехкан и образованной интеллигенции», что, в свою очередь, привело к снижению темпов социокультурного развития центральноазиатского региона [21, 205].

Исторические исследования российских авторов постсоветского периода, посвященные проблематике центральноазиатского басмачества, немногочисленны. Большинство современных российских ученых-востоковедов пока не уделяют должного внимания истории так называемого басмаческого движения. Те, кто всё же занимается изучением проблемы, успешно преодолевают советскую заидеологизированность, но пока до конца не могут справиться с централизаторскими перекосами. Можно согласиться с мнением ученого-востоковеда Ю.В. Ганковского: правдивая история басмачества до сих пор не написана. В целом, следует отметить, что история басмачества центральноазиатского региона хоть и имеет определённые успехи и подвижки, но пока всё же мало изучена современными российскими исследователями.

Примечания:

1. Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). М.: Госиздат, 1921. 131 с.
2. Алексеенков П. Что такое басмачество? Ташкент, 1931. 92 с.
3. Талибджанов Х. За власть Советов. В боях за Советскую власть в Ферганской долине. Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны 1917–1923 гг. Ташкент, 1957. 112 с.
4. Ниалло А. Очерки гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. Фрунзе, 1941. 180 с.
5. Никишов П.П. Борьба с басмачеством на юге Киргизии. Фрунзе, 1957. 140 с.
6. Ташлиев Ш. Т. Установление и упрочнение Советской власти в Туркестане. Ашхабад, 1957. 231 с.
7. Языкова М. Борьба за установление и упрочнение Советской власти в Западном Туркменистане. Ашхабад, 1957. 104 с.
8. Иркаев М. История гражданской войны в Таджикистане. Душабе, 1971. 450 с.

9. Малабаев Дж. М. Укрепление Советов Киргизии в период строительства социализма. Фрунзе, 1969. 126 с.
10. Жантуров С.Б. Гражданская война в Киргизии. Фрунзе, 1963. 247 с.
11. Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Конец басмачества. М., 1976. 181 с.
12. Лунин Б.В., Юсупов Э.Ю. Басмачество орудие реакции (исторические параллели). Ташкент, 1984. 94 с.
13. Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Шишкина Л.В. Басмачество: правда истории и вымысел фальсификаторов. М.: Мысль 1986. 255 с.
14. Ганковский Ю.В. Персонажи с «той стороны». Ибрагим-бек Локай // Азия и Африка сегодня. 1994. №4. С. 61–63.
15. Ганковский Ю.В. Персонажи с «той стороны». Энвер-паши среди басмачей // Азия и Африка сегодня. 1994. №5. С. 59–61.
16. Вдовиченко Д.И. Энвер-паша // Вопросы истории. 1997. №8. С. 42–45.
17. Шевченко Д.В. Формирование массового басмаческого движения в Средней Азии после Октябрьской революции. Иркутск, 2006. 59 с.
18. Шевченко Д.В. Басмаческое движение. Политические процессы и вооруженная борьба в Средней Азии. 1917–1931 гг. Автореф. дисс... кан. ист. наук. Иркутск, 2006. 28 с.
19. Пылев А.И. Басмаческое движение в Средней Азии (1918–1934 гг.). Общие черты и региональные особенности: Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб., 2002. 26 с.
20. Пылев А. И. Басмачество в Средней Азии: этносоциальный срез (взгляд из XXI века). Бишкек, 2006. 117 с.
21. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995. 311 с.

УДК 930

ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИСОВЕТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1920–1930-е гг.: СОВЕТСКИЙ И РОССИЙСКИЙ ВЗГЛЯДЫ

Александр Александрович Максимович

Белорусский государственный университет
220030, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Красноармейская, 6
Магистрант
E-mail: aljaksandr@rambler.ru

В статье рассматриваются советский и российский подходы к исследованию антисоветского (басмаческого) движения в Центральной Азии в 1920–1930-е гг. и сравниваются историографические концепции.

Ключевые слова: антисоветское движение, Центральная Азия, басмачество, историографический подход.